

Майя Самохина

Память о войне

Май снова Землю украшает.
Весенний ветер вьет с полей.
Опять Россия вспоминает
Своих отважных сыновей.

Тех, кто в далеком сорок пятом,
Пройдя с боями пол-Земли,
Через лишения и утраты
Победу миру принесли.

Минуло столько лет, но боли
Нам не изжить до края дней.
Лицо спасителя-героя,
Россия, в памяти твоей.
(Литературное объединение «Зодиак»)

Хайдар Бедретдинов

Из цикла «Моя Третьяковка»

КАРТИНА ВАСНЕЦОВА

Хоть над землей не свет и не заря,
Уже в дозоре три богатыря:
Илья, Алеша, оратай Добрыня.
От троицы исходит дух былинный.

Здесь — воинская доблестная сила,
И веры свет в душе неугасимый,
И мощь тугая матушки-земли
На холст рукою мастера легли.

Не пряча от тревожной вести лиц,
Который век бессменно у границ,
Спасая Русь от иноземной плахи,
Стоят на страже Воин, Пастырь, Пахарь!

КАРТИНА ПОПЕНОВА

Смиренна тишь заросшего пруда.
И ряскою подернута вода.
Чьи вздохи и мучительные тайны
Здесь утонули в прошлом навсегда!

Я тоже, заблудившись, иногда
Свои раздумья приношу сюда,
Чтоб утолить последние печали
У старого заросшего пруда.

Алексей Кропотин

Каска

Где берег, изрытый фугаской,
Запомнил суровые дни,
Лежит потемневшая каска
Солдата минувшей войны.

Давно отгремели раскаты
Гвардейских лихих батарей.
Давно не воюют солдаты
В дыму обгоревших полей.

Природа весенние краски
Земле отдохнувшей дарит,
Но тупо фашистская каска
На синее небо глядит.

С историей шутки опасны,
Мы помним военные дни.
Молчит одинокая каска
Солдата с чужой стороны.

Роман Котов

Причастие

Как этот преломляемый хлеб был рассеян по горам,
и будучи собранным, стал одним,
Так будет собрана от концов земли в Твое Царство
и Твоя Церковь:
Потому что через Иисуса Христа Твоя во веки
есть слава и сила.
Учение 12-ти апостолов (Дидахе)

Холмы Каширы мирно спят,
В сугробах не отыщешь следа;
Здесь Киев, Курск и Сталинград —
Здесь наша родилась Победа.

Тогда, на острие зимы,
Под этой маленькой Каширой
Собою преградили мы
Дорогу вражеским машинам.

И, в тот горячий снег упав,
Кровь наша в схватке рукопашной
Весною стала соком трав,
Плоть — спелым колосом на пашне.

Не тщетной жертва та была,
И пролилась Господня милость:
Победа в этот мир вошла
И незаметно поселилась

В том хлебе, что на тех холмах,
И с этим хлебом повсеместно
Победа станет на фронтах
Закваской для людского теста.

Мы победим — сомненья нет,
Мы сдюжим горести и беды,
Ведь в каждом черстве сухаре
Уже живет она — Победа!

И каждый должен на Руси
Для всех людей переродиться,
Солдатский черный хлеб вкусить
И нашей плоти причаститься.

В иную плоть, в иную жизнь,
В кровь Нового завета,
В котором правит и царит
Такая нужная Победа.

И мир теперь совсем иной,
Никто не сможет побороть их,
Ведь той каширской зимой
Победа стала общей плотью.

И знает только Бог один,
Как о Победе мы молили.
Здесь Вена, Прага и Берлин.
Здесь Мы впервые победили.

Анатолий Прядкин

Мы опыта немало накопили —
Не верить даже собственным глазам!
Начну с того, что дерево срубили
То, что дало начало всем лесам:
Карелии, и Коми, и Сибири,
И где-то там — другие рубежи...
Вот и пишу: мы дерево срубили,
Которое доверило нам жизнь.
Срубили... Ну, кому какое дело!
Ни у кого не дрогнула рука.
Подумаешь, одно лесное тело,
Вон как еще Россия велика!

Я думаю и тяжело, и часто:
Лесам пора отбить морзянкой SOS,
К примеру, взять Нагорский мой участок,
Что протянулся вдоль речушки Соз.
Здесь разговор об этом крут и резок,
И суть всего лесного ремесла —
Живое тело супротив железа,
И остаются пепел да зола...

Прости меня, береза и осина,
Могучий кедр и стройная сосна,
Ужель бесценна ваша древесина
И так бесценна русская казна!
Ужель опять под тракторные траки
Вы ляжете, чтоб в щепки разнесло!..
Тогда зачем все споры, ссоры, драки,
Ведь все равно непобедимо зло!

Я отдаю годам военным слово,
Хотя понятно многое без слов.
Мне хочется, чтоб начали мы снова
С печей кирпичных и с вязанок дров,
С простой доски, расщепленной снарядом,
С обугленного, сбитого столба,
Мы знать должны: в том дереве, что рядом,
Была и есть Отечества судьба.

Мы опыта немало накопили —
Писать о жизни сразу набело.
Поэтому решил я: или-или...
Бумагу отыскал, нашел перо.
«Кому нужна, — я написал, — лежневка? —
Министру в министерство всех лесов, —
В тайге и так владычит шестидневка,
А днем седьмым командует засов».

Мой монолог, как мертвому припарка!
Ну, ничего, считать умею сам.
Ужель не два конца имеет палка
И все они — нещадно по лесам!!

В болотных сапогах и телогрейке.
Изъеденный мошкой и комаром,
Я подсчитал убытки до копейки
И говорю: нам нужен бурелом,
Он будет вроде санитарной рубки,
И сучкорубы правильно поймут:
Есть длинные рубли, но есть и руки,
И есть дела ни сердцу, ни уму.

Как дорого обходится осечка,
Когда близка желаемая цель!
Горит, как порох, тарная дощечка,
Горит... Ни с места ртутный столбик цен.
Но и тогда, когда сколочен ящик,
Когда он сделал рейс или второй,
К нему пожар крадется настоящий.
Сактируем. А значит, с плеч долой.
А сколько шпал горит! Рудничной стойки!
Кто подсчитает сквозь огонь и дым!
И потому в лесах так воют волки,
Рыча, медведи путают следы.

Нет, мы не все уже живем на небе,
Бывает, что ночуем в шалаше.
Но все равно нужны квартира, мебель,
Такая, чтоб вмещалась в душе.
Такая, чтоб могла остаться сыну
Иль дочери как память о лесах.
Но мы возьем на свалку древесину,
Сжигаем у России на глазах.

Я по стволам шагаю, как по трупам,
Лежневки, что остались гнить в лесу,
И говорю: всего дороже глупость,
И каюсь: без меня свершится суд.
На сотни верст вокруг — страна безмолвья,
Ни птицы нет, ни рыбы, ни зверей,
Лишь волок мой стоит у Лукоморья,
Глухонемой, без окон, без дверей...